

УДК 1:001; 001.8
ББК Ю6

«RUSSIAN SMUTA» И «НОМО EBRIUS»: «ЧЕЛОВЕК ПЬЯНЫЙ» КАК ФАКТОР «СМУТНОГО ВРЕМЕНИ»

ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ МАРЧЕНЯ,

заместитель начальника кафедры философии Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат исторических наук, доцент
Научная специальность 09.00.11 – социальная философия
E-mail: marchenyap@mail.ru
Рецензент: доктор исторических наук, доцент А.В. Чертищев

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматривается проблема осмысления места и роли алкоголя и «Человека Пьяного» (*Homo Ebrius*, *Homo nimii vini*) во взаимодействии власти и общества России в ситуациях смут и революций. Пьяные погромы рассматриваются как важный фактор истории «смутных времен» (на примере русской революции 1917 г.).

Ключевые слова: Человек Пьяный (*Homo Ebrius*, *Homo nimii vini*), алкоголь, пьяные погромы, смута, революция, массы, массовое сознание.

Annotation. Considered the problem of comprehension of the place and the role of the alcohol and «Drunk Human» (*Homo Ebrius*, *Homo nimii vini*) in interaction of power and Russian society in the situations of strifes and revolutions. The drunken pogroms are considered to be the significant factor of «Time of Troubles» (for example, Russian revolution history in 1917).

Keywords: Drunk Human (*Homo Ebrius*, *Homo nimii vini*), alcohol, drunken pogroms, «Smuta» (Time of Trouble, Distemper, Disturbance, Strife), revolution, masses, mass consciousness.

«Russian Smuta» и «Homo Ebrius» – «Русская Смута»¹ и «Человек Пьяный»² – два философско-антропологических, по своей сути, концепта, плотно объединенных как многочисленными эмпирическими, историко-фактическими материалами, так и относительно немногочисленными теоретическими, междисциплинарно-рефлексивными попытками их авторского осмысления. Сразу оговоримся, что такое переплетение тем смут и пьянства отнюдь не является сугубо русской/российской проблемой – *Homo ebrius* являлся и является одной из реальных движущих сил всевозможных «смут», массовых насильственных действий, масштабных беспорядков и прочих социальных отклонений в истории человечества в целом. Однако, налицо неслучайность сближения проблемы системных сбоев во взаимодействии власти и общества в России с проблемой *Homo nimii vini* – «Человека, чрезмерно пьющего» – в национально-культурном контексте. По шутливому (?) наблюдению исследователя «образа России» и «русского этоса» А.Е. Зимбули, вряд ли «еще в каком-то языке столь сближены, как в русском, слова «поддаваться» и «поддавать», «подданные» и «поддающие»... Если современный английский богат вкладом в области, сопряженной с такими понятиями, как *маркетинг*, *мониторинг*, *имиджмейкер*, *PR*, *кастинг*, *менеджер*, *глобалистика*, французский запечатлен всемирноупотребляемыми словами *парламент*, *премьер-министр*, *революция*, *гильотина*, *дуайен*, итальянский знаменит

своими словами *опера*, *сопрано*, *тенор*, *форте*, *пиано*, *глицсандо*, *крещендо*, *диминуэндо*, мы можем похвалиться такими изобретениями, как *самогон*, *сивуха*, *шуровик*, *ханыга*, *похмелье*, *посошок*, *с бодуна*, *перегар*, *чекушка*, *стопарь*, *наливай*, *плесни*, *остограммиться*, *залить zenки*, *принять на грудь*, *шандарахнуть*, *вздоргнуть*, *заложить за воротник*, *загудеть*, *нализаться*, *надраться*, *наклокаться*...»³. Разумеется, выводы из этого требуют определенной академической осторожности: слишком легко эта тема может перейти из предмета научного исследования в предмет публицистических спекуляций. Но сложно оспорить тот факт, что известнейшие строки русского классика: «Есть упоение в бою...» – применимы к роковым событиям нашей истории не всегда лишь в переносном смысле. «Упоение» нередко следует понимать в самом прямом смысле этого слова, так же, как и «упившихся» до «боевого» умопомрачения людей приходится признавать немаловажными участниками масштабных социально-политических процессов. Истоиво пьющие легко превращаются в неистово буйствующих – и связанные с этим социальные девиации составляют изрядную (если не непременною) часть набирающей обороты *Смуты*. Равно как и необходимость усмирить мутные потоки хмельного асоциального буйства, перегородив их государственной плотиной *Власти*, способной восстановить трезвый порядок, становится неотъемлемой составной частью механизма преодоления смуты и возвращения общества к социальной норме.

Вообще, вопрос о степени влияния алкоголя на ход именно русской смуты и русской истории относится к числу очень болезненных и противоречивых. Однако, еще А.Н. Радищев так сформулировал значимость этого вопроса для отечественной истории (*сохранена орфография и пунктуация издания. – П.М.*): «Посмотри на рускаго человека; найдеш его задумчива. Если захочет разгнать скуку, или как то он сам называет, если захочет повеселиться, то идет в кабак. В веселии своем порывист, отважен, сварлив. Если что либо случится не по нем, то скоро начинает спор или битву. – Бурлак идущей в кабак повеся голову и возвращающейся обогрелной кровию от оплеух, **многое может решить доселе гадательное в Истории Российской!**»⁴ (*выделено мной. – П.М.*).

Вообще, в ситуациях смут, революций и прочих массовых социальных катаклизмов даже один факт непосредственной принадлежности человека к активно творящей историю массе уже сам по себе способен порождать состояние «опьянения» – причем не только от самозабвенного «упоения» в физиологическом смысле этого слова, но и от «упойительной» причастности к событиям подлинно исторического масштаба, от осознания личного соучастия в крушении «старого мира» и созидании «мира нового», «нового неба и новой земли». По словам поэта, «...Что нам до ветхих мудростей, до солнц / Закатных, отпылавших истин? / Вот час, кипящий юностью и кровью, / Вот ярый хмель столь крепкого вина, / Что всякая в нем гаснет горечь... (Э. Верхарн, перевод М. Волошина).

Увы, очень часто это «хмельное вдохновение» не остается лишь поэтическим образом, а получает вполне конкретную химическую подпитку и становится одной из реальных психофизиологических причин охватывающего революционную эпоху социального безумия. В определенном отношении, «смутное время» и злоупотребления алкоголем вообще неразделимы, как неразделимы состояние опьянения и состояние смуты (в душах, умах, народах, государствах...). Например, еще в 1916 г. пророчески выразил «смутное», но уже заведомо «пьянящее» предчувствие надвигающейся «смуты» О. Мандельштам: «О, этот воздух, смутой пьяный...». Спустя год воспетые поэтом «игра русского вина» и разбойный «спрятанный огонь» выбили прогнившую пробку одряхлевшего самодержавия. Но, вырвавшись на «воздух, смутой пьяный», они оказались вовсе не только красивыми художественными метафорами. Выяснилось, что выпущенный на волю джинн неведомой, «новой» – «Красной смуты» – имеет много общего с хорошо знакомым, «старым добрым» – «Зеленым змием»⁵.

Проблема научного осмысления «пьяного фактора» в политических событиях смуты по праву занимает особое место в комплексе вопросов, связанных с изучением различных аспектов действительного («непричесанного») участия народных масс в истории (как и реальных проявлений феномена массового сознания на ее критических этапах). При этом «пьяная

тема» в контексте своеобразной «антропологической химии» смут и революций одновременно является и одной из наиболее «жареных» и, казалось бы, «всем понятных», и, вместе с тем, наименее понятых. Да и сама тема представляет исключительный интерес для исследователя, не желающего упустить из виду далеко не последнюю социально-психологическую (или даже «социально-химическую») предпосылку пресловутой «бессмысленности и беспощадности» русского бунта. Особенно актуально осмысление алкогольной компоненты социально значимого поведения масс в тех случаях, когда бессмысленность и беспощадность массового насилия не только выглядят устрашающе иррациональными, но и действительно слабо поддаются рациональному осмыслению вне учета их «антропoxимической» составляющей.

Злоупотребления алкоголем издревле являются излюбленной питательной средой для роста и развития любых анархических и противоправных действий масс. Пьяные погромы, в которые зачастую выливались на практике многие увековечиваемые впоследствии во всевозможных «хрониках революционных событий» так называемые «революционные движения», и совершаемые на этой почве массовые насилия и захваты, с удручающим постоянством характеризуют «нижние этажи» стихии народной жизни в «смутные времена» отечественной истории.

Современные социологи указывают на неизжитую и в нынешней России актуальность «алкогольного фактора» в «переходные периоды» отечественной социальной жизни: «Проблема пьянства и связанных с ним последствий для России всегда была острой, болезненной. В силу целого ряда обстоятельств – характера народных традиций и обычаев, уровня культуры и материального благосостояния, особенностей природно-климатических условий – негативное воздействие данного социального явления на развитие сферы жизнедеятельности общества проявлялось, в отличие от многих других стран, особенно остро»⁶.

К этому стоит добавить, что в периоды качественных общественных трансформаций и исторических социопотрясений, свойственная значительной части российского общества традиция приема крепких напитков ударными дозами, получившая в соответствующей литературе наименование «северного стиля», закономерно становится уже не только обязательным элементом народной обрядности и привычным средством снятия стресса, но и сильнейшим катализатором массовых беспорядков, способствуя эскалации всех форм социального насилия и девиантного поведения. Еще с эпических времен Василия Буслаева неизменно популярен в подвыпивших и (или) еще желающих выпить массах адресно выверенный лозунг призыва на безудержный русский пир: «*Кто хочет пить и есть из готового – валися к Васье на широкий двор*» (Да и былинный святой (*sic!*) богатырь Илья Муромец, бывало, обидевшись на князя, созывал массы сходным кличем: «Ах вы, голь кабацкая, доброхоты царские! Ступайте

пить со мной заодно зелена вина...», – что отдельные исследователи склонны рассматривать как древний прообраз всей русской революции 1917 г.)⁷.

Толпы нетрезвых сторонников буслаевской «политической платформы» и манипулирующие ими пассионарные авантюристы, вожди, жожаки и самозванцы, не единожды оказывали отнюдь не шуточное воздействие на исторические пути нашего государства и общества. В ситуациях безвластия и потери «почвы» алкоголь становится фактором политической истории, своеобразно консолидирующим *Традицию* и *Революцию*: мотивы и результаты массовых «революционных» волеизъявлений нередко напоминают побуждения и последствия массовых «традиционных» возлияний. Желание «попить, поесть и пограбить» является наиболее предсказуемым стимулом социальной психологии восставших масс, которые «вечным маятником» российской истории в очередной раз швырнуло из предельной крайности покорного равнодушия к политической жизни в беспредельную крайность неукротимой стихии разрушения во имя «русского размаха» и «русского разгула».

Актуализация и «политизация» подобных массовых настроений и архаических моделей поведения выведенных из равновесия и опьяненных вседозволенностью и, собственно, алкоголем масс, в свою очередь, создает идеальную атмосферу для «политических» лозунгов типа: «*Грaбь нагрaбленное*» (фактически традиционно: «*Сарынь на кичку*»). Кроме того, стоит учитывать и то, что по «русской моральной шкале», человек, совершивший злодеяние, не будучи при этом ни пьяным, ни одержимым, априори оценивается гораздо строже (психологический факт: в России – внеюридически – состояние опьянения, как правило, воспринимается человеком и обществом как «смягчающее обстоятельство»). Поэтому, предполагая совершение очевидно (для трезвого сознания) неблагоприятных поступков, «традиционный» человек стремился привести себя в соответствующее состояние – тем самым как бы частично оправдывая себя перед судом общественного мнения и собственной совести. Понятно, что пьяного легче подвинуть на «экспроприацию экспроприаторов», особенно если предмет экспроприации будет еще и сама выпивка – как повод к продолжению «праздника революции» (ибо, как говорили в народе, «где вино, там и праздник»). Очевидно так же и то, что энергию масс наиболее легко «выплеснуть на улицу», если масса «плеснет в себя». При определенных условиях, отношение масс к выпивке легко может служить не просто обычным средством манипуляции со стороны тех или иных политических сил, но и достаточно действенным орудием борьбы за власть. Поэтому алкоголь являлся (и является) мощным фактором, который можно использовать в политической борьбе⁸.

Так, Русская смута 1917 г. может служить хрестоматийно-классическим примером превращения алкоголя в политическое оружие массового поражения, причем это наглядно иллюстрируется не только относительно широко представленными в литературе материалами Ок-

тября и после, но и пока недостаточно в этом контексте осмысленными материалами «от Февраля к Октябрю»⁹. Алкоголь был одним из важных факторов, не просто характеризующих образ смуты, но придающих целостное единство самой смуте в целом – он активно влиял на массовое сознание, объединял в «массу» представитель самых различных классов, сословий, социальных статусов, гендерных ролей, демографических групп, географических регионов и т.д. В известном смысле, алкоголь эффективно участвовал в формировании главных социокультурных коммуникаций смуты, соединяя в один всеобщий мутный поток события центральные и периферийные, городские и сельские, частные и общинные, гарнизонные и фабричные.

Несмотря на очевидно значимую и неприглядную роль алкоголя в истории 1917 г., из сказанного отнюдь не следует, что революционные события этого времени могут быть сведены к пьяному безумию смуты. Затуманивая и отупляя рассудок, алкоголь во многом обнажал и обострял чувства. И ошибочны или даже преступны попытки свести горькую правду народа в революции к алкогольной биохимии народных эксцессов, а результаты массовых волеизъявлений – к последствиям массовых возлияний. Напротив, автор убежден, что массовые феномены общественной жизни России в ее критических ситуациях (даже если они и выглядят внешне как проявления сплошного катастрофического социального безумия) внутренне подчинены неявной исторической логике более высокого порядка¹⁰. Современные события показывают, что описанные угрозы не остались в прошлом. Они требуют серьезного к себе отношения власти и общества.

¹ Марченя П.П. Смутные поиски России: Смута в контексте руссееведения // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 9. С. 213–215.

² Марченя П.П. «Номо ebrius» в антропологии русской смуты: к постановке проблемы // Философские исследования и современность: сборник научных трудов. Вып. 3. М.: ИД Акад. им. Н.Е. Жуковского, 2014. С. 137–162.

³ Зимбули А.Е. Русский этос [в рамках проекта РФГНФ «Образ России: национальное самосознание и современность»] // <http://aesthetics-herzen.narod.ru/Zimbuli.doc>.

⁴ Радищев А.Н. Полн. собр. соч. Т. 1. М.; Л., 1938. С. 230.

⁵ Марченя П.П. «Зеленый змий» на службе «Красной смуты»: алкоголь и пьяные погромы от Февраля к Октябрю 1917-го // История в подробностях. 2010. № 4. С. 30–43.

⁶ Заиграев Г.Г. Особенности алкогольной ситуации в России 90-х годов // Россия: риски и опасности «переходного» общества. М. 2000. С. 84.

⁷ См.: Вышеславцев Б. Русский национальный характер // Русский мир. М., 2003. С. 630–633.

⁸ Марченя П.П. Пьяные погромы и борьба за власть в 1917 г. // Новый исторический вестник. 2008. № 1 (17). С. 84–95.

⁹ Марченя П.П. Фригийский колпак Февраля и терновый венец Октября // Обозреватель–Observer. 2013. № 7 (282). С. 103–114.

¹⁰ Марченя П.П. Безумие и логика русской смуты // Родина. 2010. № 8. С. 80–81.